
МОНИКА
Берг
СУРОВЫЙ
СИБИРЯК
Пошку не отдам!
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Моника Берг

Суровый сибиряк. Пышку не отдам!

«Автор»
2026

Берг М.

Суровый сибиряк. Пышку не отдам! / М. Берг — «Автор», 2026

За неделю до свадьбы мой жених предал меня с тощей манекенщицей, вслух посмеялся над моими «лишними» килограммами и собрался отобрать кондитерскую, которую я поднимала четыре года с нуля.Я купила билет в один конец и улетела в предгорья Саян.Ночной буран загнал мою машину в ледяной капкан на каменистом броду — и меня вытащил из воды он.Захар Медведев. Два метра, седая искра в чёрной бороде, шрам под рёбрами и волчий прищур человека, который пятнадцать лет прожил на острие. Он принёс меня на руках в кедровый сруб, растёр ледяные ноги у раскалённой печи и сказал: «Не вздумай прятать от меня такую красоту».

© Берг М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Моника Берг
Суровый сибиряк. Пышку не отдам!

Глава 1

Чужая среди глянцевых витрин

«Когда тебя предают те, ради кого ты пыталась стать меньше, судьба уводит туда, где тебя полюбят целиком».

В банкетном зале ресторана «Ольгин» на Пречистенке пахло белыми розами и чьими-то амбициями.

Есения Морозова стояла у окна с бокалом, к которому не притронулась. За стеклом ноябрьская слякоть ползла по тротуару, как мокрая тряпка, и всё в этом вечере было под стать погоде: холодно, скользко и липко.

На ней было вишнёвое платье — единственное, которое она надела наперекор жениху. Вадим требовал чёрный утягивающий балахон. Есения надела вишню, и весь вечер ловила на себе взгляды, а потом ловила под столом недовольное: «Тебе бы похудеть, Сеня. Хотя бы к свадьбе».

Она знала свои «недостатки» наизусть, потому что за три года ей их перечислили. Талия тонкая, но бёдра широкие. Грудь четвёртый размер, слишком тяжёлая для тонкой блузки. Ноги полные, зато щиколотки хорошие — это Вадим признавал. Волосы каштановые, густые, до плеч — он говорил, стричь. Глаза орехово-зелёные, с янтарной искрой, — он говорил, серые лучше, «породистее». Двадцать шесть лет, кондитерская «Сдоба» на Пятницкой, четыре года работы, кредит, и никого, кроме тётки в Твери и подруги Сони.

Соня и сейчас звонила — третий раз за вечер.

— Ты где, Морозова? Я тебя из окна вижу, ты у окна стоишь как памятник. Он опять довёл?

— Всё нормально, — сказала Есения в трубку. — Правда. Устала просто.

— Ага. Ты это «нормально» через губу говоришь уже год.

Есения попрощалась и пошла искать дамскую комнату. Свернула не туда: узкий служебный коридор, подсобка, приоткрытая дверь — и за ней голос Вадима, самодовольный, разогретый коньяком.

— Ты серьёзно думаешь, что я стану спать с этой сдобной булочкой после свадьбы?

Есения замерла.

— Вадик, ну она же милая, — промурлыкала манекенщица Кристина, плоская, с ключицами как у цыплёнка.

— Милая, — согласился Вадим. — Как буханка. Пусть печёт свои торты и подпишет дарственную на помещение. Мне в постели нужна порода, Крис, а не пятьдесят второй размер бёдер. Сеня... ну, она удобная. Тихо сидит, эклеры свои лопает. Её надо было назвать Сдобой, а не кондитерскую.

Кристина засмеялась. Есения смотрела в щель на их сплетённые пальцы, и внутри у неё что-то не ломалось, а наоборот — выпрямлялось с сухим щелчком, как распрямляется согнутая ветка.

Она вошла, не постучав. Сняла кольцо с крошечным бриллиантом — «камушек на память», как называл его Вадим, — и бросила в бокал с шампанским. Кольцо утонуло с тихим стуком.

— Подавись своим банкетом, Вадик.

— Сеня, ты всё неправильно поняла! — он догнал её в коридоре и схватил за запястье. — Это мужской трёп!

Она развернулась и влепила пощёчину такой звонкости, что охрана у входа деликатно отвернулась к стене.

— Дарственную я тебе не подпишу. Кондитерскую ты не получишь. И меня ты не получишь. Счастливо.

В такси она ревела минут десять, потом перестала — водитель стал сочувственно подсовывать салфетки, и она начала стесняться. В кассе Шереметьева взяла первый билет, какой был на табло: Абакан. Ночной рейс, через полтора часа.

В туалетной комнате аэропорта Есения посмотрела на себя в зеркало: мокрые глаза, распухшие губы, пятно от шампанского на вишнёвом шелке. Она расстегнула молнию и содрала платье прямо в кабинке, натянула джинсы и свитер из ручной клади. Потом посмотрела ещё раз — на грудь в кружевном лифчике, на мягкий живот, на широкие бёдра — и сказала вслух, незнакомой тётке у соседней раковины:

— Всё. Больше никто не заставит меня стесняться.

Тётка кивнула с полным пониманием.

Самолёт поднялся в лиловое предзакатное небо. Есения прижалась виском к холодному иллюминатору и смотрела, как Москва сжимается в россыпь оранжевых точек и гаснет. Впервые за три года она дышала полной грудью.

За три с половиной тысячи вёрст к востоку, на кордоне «Медвежий Ручей», Захар Медведев стоял на крыльце в расстёгнутой куртке и смотрел, как из-за перевала наползает снежная туча. Шла низко и быстро. К ночи будет буран.

Он вернулся в сени, проверил заправку вездехода, сложил у печи сухие берёзовые поленья и без всякой видимой причины вынес в кабину термос и вторую кружку.

Предчувствие у него было смутное, злое и настойчивое, как занывший под погоду старый шрам.

Глава 2

Каменный брод на Саянском тракте

«Тайга шуток не любит: слабых пугает, а своих приводит прямо к порогу хозяина».

Таксист, седой и добродушный, довёз её от аэропорта до развилки и дальше ехать наотрез отказался.

— Девушка, там за перевалом буран начинается, дорогу на кордон заметает за полчаса. У меня «Камри», не вездеход.

— Везите, — сказала Есения, кутаясь в лёгкий плащ. — Мне главное — подальше от Москвы.

Он довёз. Через двенадцать километров горного серпантина асфальт кончился, начался накат из мокрого снега, и «Камри» сдался на подъёме: юз, разворот, правое колесо в кювете.

Буран пришёл через семь минут. Не метафора — стена колючей крупы, швыряющая в лобовое стекло с такой силой, что дворники захлебнулись. Температура рухнула. Таксист матерился, звонил кому-то, потом сказал:

— Связи нет. Егерь с кордона поедет мимо, он всегда в это время объезжает. Если поедет.

Он поехал.

Свет одной фары вырвал из белой крупы сначала рёв мотора, потом чёрный силуэт пикапа, потом самого хозяина. Он вышел из кабины в тулупе и меховых рукавицах и стал шире, чем дверной проём.

— Какого лешего вас понесло через перевал на ночь глядя?! — рявкнул он в открытое окно так, что задребезжало стекло. — Тут медведи в берлогах носы прячут, а они столичных барышень в капроновых чулках катают!

— Я не в капроновых! — Есения стучала зубами. — И не кричите на меня, мне и так холодно!

Он обошёл машину, рванул заднюю дверь и выдернул её наружу — не грубо, но так, что вариантов не осталось. Прижал к груди, пахнущей хвоей, табаком и мокрой овчиной, и понёс.

— Пустите, я сама! — она дёрнулась.

— Иди, — согласился он и разжал руки.

Она сделала два шага, ушла в накат по колено, взвизгнула и вцепилась в его рукав.

— Ясно, — сказал Захар. — Держись.

Он посадил её в свой пикап на переднее сиденье, накрыл полами тулупа, а сам вернулся к таксисту. Через минуту принёс её чемодан.

— До станции тебя отбуксирую, — сказал он водителю. — Верхний перевал перекрыт, лавина. Барышня едет со мной.

— Захар Андреич, — таксист перекрестился, — спаси тебя бог.

Пикап шёл вдоль ручья, которого не было видно, но который слышно: вода ревела между обледенелых валунов, не замерзая даже в тридцатиградусный мороз.

— Это чего за речка? — спросила Есения, чтобы не молчать.

— Не речка. Ключ Медвежий. Из-под ледника бьёт, потому и не встаёт до февраля. — Он помолчал. — Брод каменистый, ниже по течению. Тебя туда и понесло.

— Я не знала.

— Теперь знаешь.

Пикап встал у брода. Дальше — каменная гряда, залитая водой, поверх которой несло шугу. Захар вышел, потоптался в резиновых сапогах, потрогал ногой камень.

— Сиди. Проверю.

Он сделал три шага в воду — и ушёл по бедро, поймавшись за подводную вымоину. Выругался так, что Есения вздрогнула. Выбрался, вернулся к машине, сдёрнул рукавицы.

— Пешком. Тут сорок метров, но переправа одна, другой нет.

— В ледяную воду?!

— В ледяную воду, — подтвердил он и поднял её на руки. — Держись за шею и ноги поджимай. Свалишься — не полезу, тут кто-то один тонет за раз.

Он пошёл. Вода была мутная, белая от шуги, и на середине бреда Есения услышала, как у него сбилось дыхание — от холода, не от тяжести.

— Захар Андреич, пустите, я сама дойду!

— Молчи и держись.

Он вынес её на другой берег, поставил на камень и сам сел рядом, тяжело дыша. Сапоги у него были полны воды. Он стянул один, вылил, выругался сквозь зубы и натянул обратно.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь ты моя должница на всю жизнь. Так и знай.

До кордона они шли пешком, светя фонарём, и он всю дорогу подставлял ей руку на подъёмах.

В срубе было жарко, как в печи. Захар сбросил тулуп, поставил перед ней на лавку таз с горячей водой, стянул с неё промокшие сапоги и носки — и её ледяные ступни утонули в жаре.

— Ох! — она дёрнулась.

— Терпи.

Пальцы шершавые, как наждак, огромные; её ступня целиком помещалась в его ладони. Он растирал пальцы, пятку, подъём, потом взялся за голень под мокрыми джинсами, поднимаясь выше колена. Есения смотрела, как ходит его рука, и чувствовала, что холод уходит не только из ног.

— Сними это, — он кивнул на мокрый свитер. — Не то к утру сляжешь.

Она стянула свитер через голову. Осталась в тонком лифчике и джинсах. Захар выпрямился, посмотрел на неё сверху вниз — и не сразу нашёл, что сказать.

Под его взглядом Есения не прикрылась. Впервые за три года не прикрылась.

— У меня сухая одежда вся на дне, — сказала она тихо. — И помятая.

— Разберёмся.

Он шагнул к ней, опустился на корточки, взял её лицо в ладони — обе, целиком, как берут что-то очень небольшое, — и поцеловал.

Губы обветренные, жёсткие. Целовал он так, будто решал давно откладывавшееся дело. Есения охнула в поцелуй и вцепилась в его рубашку на груди. Борода колола подбородок, шею, ключицы. Его рука легла на поясницу, притянула, вторая — на бедро, и сквозь джинсы она ощутила жар ладони, как утюг.

Он оторвался первым. Дышал тяжело.

— Так. Спать. Утром решим, что ты тут делаешь.

— Утром, — согласилась Есения и не узнала свой голос.

Глава 3

Не вздумай прятать

«Если суровый мужчина говорит «не прячь», лучше не спорить — он всё равно добьётся своего».

Утром Захар ушёл на обход, а Есения осталась одна — с печью, чайником и чемоданом.

Она разобрала его на лавке. Всё, что было сухим: джинсы, свитер, две футболки, бельё, зубная щётка. Всё, что мокрым: куртка, сапоги, шарф. И на самом дне — то самое: чёрно-бежевое трикотажное платье в крупную полоску, на тонких бретельках, с вырезом-качелями, обтягивающее, с разрезом по бедру. Она взяла его наспех, из вредности: Вадим называл его «неуместным».

Есения вымылась над тазом, надела платье и закрутила волосы в узел. Трикотаж лёг по фигуре как влитой, вырез открыл ложбинку, разрез — бедро.

Захар вернулся в девять. Вошёл, бросил на пол дрова, распрямился — и замер с кружкой в руке.

Смотрел с ног до головы и обратно. Долго. Есения почувствовала, как под взглядом твердеют соски, как проступают сквозь трикотаж.

Она прикрыла ложбинку ладошкой.

— Руку убери, — сказал он глухо и поставил кружку так, что дрогнул стол. — Не вздумай прятать от меня такую красоту, девочка. Я пять лет в этой тайге живу, а такого чуда не видывал.

— В Москве говорили, что мне надо похудеть килограммов на десять, — вырвалось у неё.

— В твоей Москве одни слепые доходяги живут, — отрезал Захар и накрыл её талию ладонью. — Настоящая баба должна быть такой, чтобы в руках тонула и взгляд радовала. Всё. Иди сюда.

Он прижал её спиной к тёплой печной кладке. Одна рука сжала ягодицу сквозь трикотаж и приподняла её на носках, другая зарылась в волосы на затылке. И поцеловал — сразу глубоко, без разгона.

Есения застонала ему в рот. Её пальцы сами нашли пуговицы его рубашки, расстегнули три верхние, и ладони легли на грудь — горячую, покрытую жёсткой порослью, с колотящимся сердцем.

— Захар... — выдохнула она, когда он перешёл на шею. — Вы слишком близко.

— Привыкай, Сеня. Брод размыло на три дня минимум, а изба у меня одна.

Борода щекотала и колола, язык шёл по коже ключиц. Есения запрокинула голову, стукаясь затылком о кладку. Он спустил одну бретельку, потом вторую, стянул трикотаж с груди до талии — и замер.

— Господи, — сказал он тихо, почти благоговейно, и накрыл ладонями обе груди. Большие пальцы прошлись по соскам, и Есения вскрикнула.

— Тише, — он прижался лбом к её лбу. — Не то медведь услышит.

— Какой медведь...

— Потом.

Он подхватил её под бёдра, поднял, и она обхватила его ногами. Разрез платья разошёлся до самого верха, и его пальцы сразу легли туда — на влажное кружево, сквозь которое уже всё было понятно.

— Мокрая, — констатировал он и посмотрел в глаза в упор. — От одного поцелуя?

— От одного, — призналась она, краснея до корней.

— Врать не умеешь. Это хорошо. — Он сдвинул кружево в сторону и провёл двумя пальцами по всей длине, медленно, собирая влагу. — А то москвички ваши всё больше про чувства.

Он вошёл пальцами — сразу двумя, глубоко, и Есения вцепилась в его плечи ногтями. Двигался жёстко, точно, большим пальцем натирая сверху, и смотрел, как меняется её лицо.

— Захар, я сейчас... не выдержу...

— И не надо.

Волна накрыла её через полминуты — судорожно, до звона в ушах, до слёз. Она выгнулась в его руках и застонала громко, уже не сдерживаясь. Он держал, пока не отпустило, потом медленно вытащил пальцы и, глядя ей в лицо, облизал их один за другим.

— Сладкая, — сказал он. — Значит, не зря в такую погоду поехал.

Есения сползла по стене, села на лавку и вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— А вы? — спросила она, глядя на его брюки, где всё было уже очевидно.

— А я подожду до бани, — сказал Захар. — Не буду тебя на кладке в первый день разбирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.